

ЛУЧШИЙ ДРУГ ЮБИЛЯРОВ

К 60-летию Александра Ширвиндта

Независимая газ. — 1994. — 19 июля. — С. 7.

Михаил Швыдкой

Праздник

ЕСЛИ Александра Ширвиндта нет на юбилее — города или шахты, писателя или домны, политика или космодрома, — то означенный юбилей нельзя назвать состоявшимся вполне. Разумеется, отсутствие Ширвиндта на юбилее не катастрофа, у юбиляра есть кое-какие шансы в этой жизни, да и юбилей, конечно, можно признать за настоящий, но все-таки, как говорили классики, «что-то не то». Даже Михаил Жванецкий понял это на родной московской земле и совершил большую ошибку, не доставив Ширвиндта до Карнеги-холла, — было бы лучше.

Именно поэтому Ширвиндт прав, родившись в разгар лета: свой собственный юбилей вести в качестве хозяина всего представления глупо, да и тяжело очень. А юбилей без Ширвиндта в качестве ведущего — что за юбилей! Словом, призывать всех обиженных простить юбиляра: он просто не хотел портить праздника — ни себе, ни нам.

В юбилейном шутовстве Ширвиндта патетика соединяется с иронией без всяких промежуточных состояний: поношение и величание — исконное оружие театрального пролетариата, а Шир-

виндт — при всем видимом ленивом барстве — театральный пролетарий самой высшей пробы. Он знает, что на сцене ему позволено все: больше, чем в жизни, наверное, много больше, — и знание это, кроме уверенности комедианта, сообщает ему немалую человеческую грусть. Кажется, в нем нет готовности шутить по любому поводу, но это лишь видимость. Его остроты словно нехотя отлепляются от его уст, но по мере приближения к вышучиваемому приобретают энергию комического снаряда. Как и положено настоящему «бенберисту» (на всякий случай сообщу, что это термин Оскара Уайльда, не имеющий никакого отношения к сексуальным меньшинствам), Ширвиндт знает, как важно быть серьезным. И несет эту бенберистскую серьезность по жизни, через годы, расстояния и даже исторические эпохи.

Он никогда не опаздывает — всегда приходит за пять минут до назначенного времени, чем ставит партнера, даже пришедшего вовремя, в несколько стесненное положение. Державин не опаздывает тоже — в них обоих есть уважительное отношение к профессии и к самим себе. Полгода в 1993-м я знал, что каждую неделю мы будем работать с Александром Анатольевичем в программе «Антре», — и всякий раз старался прийти на съемки раньше, чем Ширвиндт, но мне это не удавалось никогда.

Ширвиндт не опаздывает. Он вовремя начал работать с Анатолием Эфросом — и кто может забыть его режиссера Нечаева из «Снимается кино» Эдварда Радзинского или Людовика XIV из булгаковского «Мольера» в Те-

Александр Ширвиндт чествует юбиляра. Фото В. Ахломова

атре имени Ленинского комсомола?! (Сам Ширвиндт, разумеется, чаще вспоминает роль танкового генерала Гудериана из пьесы Самуила Алешина, но ему так и положено — не станет же он хвалить самого себя.) Уже тогда он — вместе с режиссером — мучился

над разгадкой тайны романтической иронии. Мука недовольственности, мука незавершенного творчества, непрерывного черновика искусства, который не хочет становиться «беловиком», всегда жила в его театральных работах. Именно тогда сложился его стиль — недовольный собой и окружающими иронического кабаретьера, баловня сцены и судьбы. А человек — это стиль. Или наоборот — все смешалось в этом мире.

Ширвиндт вовремя приходил и вовремя уходил. Так он перешел в Театр сатиры, оставив воспоминания о «Счастливых днях несчастливого человека» в эфросовском спектакле Театра на Малой Бронной, — ушел без хлопанья дверьми, навсегда сохранив дружбу с Мастером, к которому преисполнен уважения.

В Театре сатиры он по праву занял графское место Альмавивы и не собирается покидать его — потому что пришел вовремя.

Как вовремя он пришел в училище имени Щукина лет тридцать назад и где он любит бывать, пожалуй, больше всего на свете. Он любит учеников, они любят его, — чего еще человеку надо. Даже если он лучший друг юбиляров.

Александр Ширвиндт обладает счастливым даром самодостаточности. Он, как персонаж одной английской пьесы, вполне уверенно может сказать: «Я — современник, иду в ногу с самим собой...»